

УДИВИТЕЛЬНЫЙ РОМАН ТРАГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Весной этого года ко мне в журнал неожиданно пришёл мой старый друг по советской жизни, выдающийся абхазский поэт Мушни Ласуриа. Мы, не видевшие друг друга несколько лет, обнялись и сели за стол, на который Мушни поставил бутылку чистой, как слеза, виноградной абхазской чачи. Наша дружба с ним завязалась ещё в 60-е годы прошлого века. Он приехал из Сухуми в Москву, чтобы продолжить своё образование в Институте мировой литературы, где, подружившись с Кожинным, стал своим человеком в нашем дружеском кругу, состоявшем, кроме нас с Вадимом, из Василия Белова, Николая Рубцова, Анатолия Передреева, Владимира Соколова. . .

Но вместе с бутылкой виноградной чачи Мушни положил на мой редакционный стол нечто восхитительное и необычное для нашего времени – свой роман в стихах, блестяще переведённым Натальей Ванханец и названный им “Отчизна”. Почти четыреста (!) страниц стихотворного текста! К роману мой друг приложил своё письмо ко мне:

“Здравствуй, дорогой Стасик!

Было бы для меня большим счастьем, если бы ты переехал к нам в Абхазию, в Сухум, ко мне, на постоянное жительство. . . Вот и поговорили бы вдвоём! Горы и волны, чистейший воздух! И потому здесь мы, в основном, обходимся без врачей и лекарств. А то получается, мы с тобою как два берега, два символа тех далёких лет, и людей того поколения, которые были близки друг другу, а на старости лет не могут часто общаться, вспоминать: “Бойцы поминуют минувшие дни и битвы, где вместе рубились они!..”

А часто бывает и так, что месяцами или годами просто не с кем поговорить! Тебе не знакомо такое?!

. . . Твои тома, книги, воспоминания, в том числе о русских писателях, рассуждения о России, русских – навсегда со мною. Не знаю, сколько раз их перечитывал, и продолжаю это делать, всё это так дорого и так памятно, ведь ты часто пишешь о дорогих нам людях, наших с тобою общих друзьях. Многие в них, русских делах и не только русских, ты открываешь мне заново (особенно – серебряный век). Я читаю их так, как в молодые годы читал Герцена “Былое и думы”. Но Герцен находился вдали, за рубежом, а ты – в эпицентре всех и всего!.. В свои молодые годы (с 1965 г.) я “сквозь магический кристалл” не мог представить твой нелёгкий путь и колоссальную борьбу. Ещё одно изречение: “В Россию можно только верить”.

Целую, обнимаю тебя, всех твоих:

Твой Мушни Ласуриа”.

Когда я прочитал этот роман, то был просто потрясён творческой волей, эпическим размахом, беспредельной гражданской смелостью, глубочайшими познаниями истории народов Кавказа и лирической откровенностью, которые вложил мой старый друг в эту эпохальную книгу.

То, что он прекрасный, истинный поэт не меньшего масштаба, нежели основоположники абхазской поэзии Дмитрий Гулиа и Баграт Шинкуба, я знал давно, поскольку мы трое: я, Анатолий Передреев и Фазиль Искандер – перевели первую книгу Мушни “Смерть камня”, изданную на русском языке аж в 1971 году, почти полвека тому назад! Об этой книге Вадим Кожин в то время написал такие слова:

“Мушни не один год готовился к этому событию, он стремился и сам постигнуть великий язык, познать его поэзию, прикоснуться сердцем к Пушкину и Лермонтову. Русская поэзия обогатила абхазского поэта, решительным образом повлияла на формирование его мировоззрения, стала великим источником вдохновения, притягательным и необходимым”.

Вадим Кожин восхитился тем, что Мушни Ласуриа “гениально перевёл на абхазский язык “Евгения Онегина” и “Мцыри”, но после них он познакомил свой народ с переводом на его язык “Нового Завета”, “Песни о Гайавате” Лонгфелло, и, может быть, самым великим и бесстрашным его деянием стало переложение на абхазский лад грузинского эпоса “Витязь в тигровой шкуре” легендарного Шота Руставели... Я называю это деяние великим, потому что летом 1992 года между Грузией и Абхазией началась кровавая война, в которой абхазский стотысячный народ победил грузинское войско, возглавляемое уголовными авторитетами Отаром Иоселиани и Тенгизом Китавани, победил к изумлению всего мира, напомнив ему библейскую историю о победе Давида над Голиафом. А если приблизить эту схватку к нашему времени, то победа Абхазии, положившей на алтарь победы жизнь многих лучших своих сыновей и дочерей, можно сравнить с победой над американскими наёмниками отрядов Фиделя Кастро, сказавших: “Родина или смерть!” Недаром эта война абхазов называется “Отечественной”. Эпоха Саакашвили, попытавшегося в 2008 году с помощью тех же американцев повторить грузинскую авантюру 1992 года в Южной Осетии, ещё не просматривалась на горизонте истории. Но Южную Осетию в кровавом августе 2008 спасли российские танки, прорвавшиеся к Цхинвалу через Рокский тоннель. У Абхазии же никаких танков не было. Она победила потому, что её народ не захотел пребывать в рабстве у грузинских уголовников, выпущенных из тюрем и переодетых в военную форму.

Роман в стихах Мушни Ласуриа густо населён временем и знаковыми персонажами прошедшего XX века, чья судьба так или иначе связана с трагедией Абхазии: Иосиф Сталин, Нестор Лакоба, Лаврентий Берия и Баграт Шинкуба, Борис Ельцин и Михаил Горбачёв, Эдуард Шеварднадзе и первый президент абхазского государства, его спаситель Владислав Ардзинба... Словно актёры то великой, то позорной исторической драмы, они появляются на мировой сцене по велению Мушни Ласуриа и уходят с неё... И все их поступки, все их славные и бесславные подвиги изложены талантливыми стихами, раскрывающими их человеческую и историческую сущность.

Много раз, читая страницы романа, я останавливался, размышлял и перечитывал их, стремясь разгадать, как Мушни Ласуриа удалось схватить и выразить подлинную правду – то героическую и гуманистическую, то подлую и бесчеловечную. Однажды мне даже пришла в голову мысль, что моему другу-поэту помогло то, что он раньше перевёл на родной язык судьбу Евгения Онегина и Татьяны Лариной, судьбу героев “Витязя в тигровой шкуре” Автандила и Тариеля... А одна из глав романа, названная “Русские писатели”, чего стоит! Образы Сергея Михалкова и Леонида Леонова выписаны с таким реалистическим искусством, что я, их знавший, много раз вступавший с ними в разговоры, начинаю эти разговоры продолжать и восхищаться тем, что Мушни вкладывает в их уста мысли и суждения, которые я не раз слышал от них... А может, это мне кажется? Но тогда тем более я убеждаюсь, что талант Мушни в переложении образов жизни на стихотворную речь есть какое-то сверхъестественное чудо.

Вот эту “писательскую” главу из романа мы и предлагаем нашим читателям. Она тем более будет своевременна, как ложка к обеду, если вспомнить что в декабре месяце 2018 года исполняется 60 лет Союзу писателей России, с чем мы и поздравляем легендарную организацию, которой руководили за эти десятилетия не менее легендарные писатели – Леонид Соболев, Сергей Михалков, Юрий Бондарев, Валерий Ганичев...

И всё, что рассказал Мушни Ласуриа о Михалкове, о Леонове, о Гамсахурдии, о Ельцине, об Ардзинбе – это чистая историческая и поэтическая правда, за что я благодарю своего дорогого друга. Многая лета тебе, Мушни!

Станислав КУНЯЕВ

Вот на третий день я встал с утра,
Ведь к делам мне приступить пора.
Не спеша, иду по Поварской.
Что друзьям-писателям скажу?

Во дворе встречает Лев Толстой.
Как родной встречает. Я гляжу
На прекрасный памятник его,
Вспоминаю случай, вот какой.

...Видел я английскую газету
И карикатуру помню эту
Много лет, и в этом ничего
Странного. Там Лев Толстой с царём
Николаем так изображён:
Кочка — Николай, Толстой — утёс.
Рядышком стоят они вдвоём.
Николай сердит и раздражён:

“Как ты смел?! Меня ты перерос!
Как таким ты вырос?!” Вот вопрос!
Николай Второй всё об одном:
“Не желаю выглядеть, как гном!”
А Толстой стоит, как исполин.

Русские писатели! В один
Голос люди скажут, что цари
Русские известны исстари
И величье их неоспоримо,
Так ведь слово — посильнее Рима!

Отойдёт от дела государь,
Ну, а слово властвует, как встарь,
И идёт всесветная молва —
Слово, точно голос божества!

Пушкин, Достоевский и Толстой,
Гоголь, Герцен! Замысел пустой
Перечислить в этом списке всех.
Пропустить кого-то — тяжкий грех!
Тютчев, Блок, Есенин, Пастернак,
Лермонтов, Тургенев, Фет — никак
Позабить Жуковского нельзя,
И у всех — великая стезя!
Ломоносов и Державин, вы
Всемогущей правдою правы!
А Некрасов?.. Многие вели
Речь о бедах отческой земли,
Но кормильца — с люльки до седин —
Пожалел, наверно, он один!

Исполины и богатыри,
Свет ваш негасим — гори, гори!

Кое-кто в Абхазии бывал —
Красоту природы признавал.
Чехов, Горький приезжали к нам,
Посещали нас по временам!
Ну, а Маяковский как велик!
Шолохов, Твардовский — светел лик
Каждого высокого творца.
У всемирной славы нет конца!

Так творенья ваши хороши,
Что Россия — родина души!
Не превзойдена её краса,
И над ней бездонны небеса!

Нет, не прост детей её удел,
У добра и зла здесь много дел.
В тесный узел переплетены
Зло с добром у этой стороны!
В душах тех, кто взялся за перо,
Слёз народных блещет серебро!

Русские писатели! Друзья!
Вашей доброты забыть нельзя!
ЦДЛ — волшебный остров мой,
Место наших встреч, наш дом родной!

Сколько раз мы все, в одном строю,
Славили Абхазию мою!
Сколько раз я вместе с вами шёл
Выступать под сень московских школ!

Здесь узнал я многих, видит Бог!
Кто не посещал моей страны,
Кто не поднимал абхазский рог?!
И в годину горькую Апсны
Всё тепло России — для меня!
Здесь — литературная родня!

Ты, поэт Владимир Соколов!
Толя Передреев и Рубцов!
Стас Куняев, Юрий Кузнецов!
А Белов, Распутин Валентин?
Всех ценить я буду до седин!

Чем мы нашей дружбе воздадим?
Без тебя и свет не мил, Вадим!*
Дом твой — наша крепость и покой
С рокотом гитары под рукой!

И тебя роднее в мире нет.
Сколько незаписанных бесед!

В дом к тебе — я помню всё точь-в-точь! —
Из роддома забирал я дочь.
Над столом поднявшись в полный рост,
За неё ты первым поднял тост.

Нет, судьба Абхазии моей
Не была чужой тебе, ей-ей!
Говорил ты правду всей стране —
Весть летела на лихом коне!
Ты её, как родину, воспел.
Слов и строк прекрасных не жалел!..

Все твои друзья дружны со мной.
Среди них летел мой век земной.

Братья вы мои, богатыри,
С вами рос я, как ни посмотри!
Шли мы вместе по тропе побед,
Возле ваших — мой впечатан след.

Но моя родная сторона
Пламенем войны обожжена!

Вот на постаменте — Лев Толстой.
Он как будто говорит: “Постой!
Подожди отчаиваться, брат,
Если край твой пламенем объят!”

Кто, как не Толстой, клеймил войну,
Проникая в душу, в глубину
Сердца, и людей звериный нрав
Обнажил, добру и злу воздав,
Показав нам новый, свежий взгляд.
Есть “Война и мир”, “Хаджи-Мурат”!

Русский литератор — ты кумир!
Ты хранишь, оберегаешь мир!

Слово, я хочу тебя сберечь!
ЦДЛ — дворец, где правит речь!
Лестницы торжественный изгиб
Столько помнит! Ибо не погиб
Этот дом, где полных двадцать лет
Я встречал радушьё и привет.
И сейчас я встречен, — как всегда! —
С радостью — не властны здесь года!

* Речь идёт о В. Кожинове.

Вижу тех, с кем дружен искони,
С кем встречался в радостные дни.
Только скольких, скольких — несть числа! —
Времени позёмка унесла!..

Здесь у всех один вопрос всегда:
Как абхазы, сколь страшна беда?
Сила дружбы! Нет, не без причин
Слёзы женщин, боль и гнев мужчин!
Слушают они про нашу жизнь
И с волнением говорят: “Держись!” —
Напряжённо внемлют в тишине.

Я твержу: “Абхазии, не мне
Помогите! Поддержите нас!
Слово русских — важно в грозный час!”

Михалков откликнулся. О нём
Думал я и жаждал на приём
Записаться. Он опередил:
“Жду вас нынче! — сам предупредил, —
Знать бы, что абхазам суждено!..”
С ним мы познакомились давно,
В Пушкинских Горах, среди аллей, —
Шёл тогда Поэта юбилей.
Я читал “Онегина”, и вот —
Михалков отметил перевод.

Рассказал мне, как после войны
Посетил Абхазию — Апсны —
С Тихоновым вместе: “Это рай,
Это сказка — ваш волшебный край!”

К Гулиа зашли она в тот раз.
До чего подробен был рассказ!
Всё в деталях помнил, как вчера.
Хоть воды немало утекло —
Так прозрачно времени стекло!

Думаю, “Онегин” и помог
Встрече на скрещении дорог!

Михалков признался без затей:
“От абхазов страстно жду вестей.
Много ваших прежде я знавал,
Но никто давненько не бывал!
Надобно с чего-нибудь начать.
Что там ваша местная печать?
Чем конкретно можем вам помочь?
Не молчать же, раз сгустилась ночь!”

Сам я повторяю вновь и вновь:
К чёрту вакханалию, чтоб кровь
Вашу землю всю не залила!

Не держал на Грузию я зла,
К ней не относился, как к врагу,
Но мириться с бойней не могу!

Надо и писателям сказать:
Слово — телевиденье, печать,

Радио к услугам их — пускай
Не молчат про ваш прекрасный край!

Слово литератора важно —
Полновесно, действенно оно.
И порой решает дивный спор —
Это всем известно с давних пор!”

Михалков окончил монолог.
Что же я ему ответить мог?
Я ему, что думал, говорю:

“Я б хотел в Абхазию мою
Возвратиться. Но со мной семья.
Приютить родных обязан я
Где-нибудь в России — и вперёд!
Мне пора туда, где мой народ
В трудную годину, в море бед.
Там я нужен — вот вам мой ответ!”

“Там ли, здесь ли — вы равно нужны!
Делайте же то, что вы должны!
Верно, вы со многими дружны,
Знаете творцов и там, и тут —
Вам на помощь многие придут!

Вот ещё, о чём просил бы вас:
Встретьтесь-ка с Леоновым сейчас,
С Леонид Максимычем. Чудес
В мире много, скажем, “Русский лес”
Некогда в Абхазии рождён.
Жизнь абхазов понимает он.
Он старик, но голова светла,
И слова его — его дела.
Гулко грянет слово в тишине —
Мир услышит правду о войне.

Тотчас дан распоряжений ряд:
“Помогите, это наш собрат,
Наш сотрудник с нынешнего дня —
Это очевидно для меня!

Я прошу условия создать
Для его работы! Пусть опять
Съездит он на родину и вспять
Возвратится! Организовать
Надо всё, чтобы его Леонов
Принял поскорее — нет заслонов
Этой встрече...”

Вспомнил я тогда
Юные, далёкие года:
Мы студентами в то время были,
И к Леонову мы заходили.

Да, была традиция такая:
Приглашать писателей. Простая
Это церемония: сперва
Заходили в гости, и слова
Вежливости мы произносили:

“Мы могли бы посетить вас, или?..”
Всё решалось тотчас же, моментом.
Кто бы стал отказывать студентам?!

И Леонов нам не отказал,
Дверь открыл. “Входите же”, — сказал.
Было это в давние года.
Он немолод был уже тогда.
Всюду книги, рукописей склад,
И цветы в горшках — зелёный сад.

Слушали, дыханье затаив,
Ведь в его речах звучал мотив
Творческих исканий, счастья, грусти...
Говорил о жизни, об искусстве,
И была в советах разлита
Мудрость и живая красота.

Прощаться, разрешив вопрос:
“Надо нам поговорить всерьёз!”
Тотчас мы условились по сути —
Выступить придёт в Литинституте.

Он пришёл без опоздания, в срок.
Сколько ж собралось нас — знает Бог! —
И студентов, и профессоров!
Слушателей было — будь здоров!
Пропать! Негде яблоку упасть!
Слово — это истинная власть.
Этот день в сердцах неизгладим
Навсегда, а остальное — дым!

Много лет прошло, и вот теперь —
Завтра! — постучу я в ту же дверь.
И в канун назначенного дня
Мучает бессонница меня.
Завтра я к нему направлюсь в дом...
Мой же дом теперь объят огнём!

Искренне считаю я за честь
Посетить того, кого прочесть
Вся страна успела. Дорожу
Этим. Вот что я себе скажу:
Так добра ко мне судьба моя,
Что со многими встречался я,
Многих видел на своём веку
И в блокнот свой не одну строку,
Не одну заметку или стих
Я занёс почтительно о них!

Я почти не смог уснуть в ту ночь.
В дверь звоню. Мне открывает дочь...
Нет уже в живых его жены,
Сам он стар и худ, во всём видны
Годы — девяносто три ему,
Но, у тела дряхлого в плену,
Всё ж ясна, как прежде, голова,
Крепок разум, память в нём жива!

“Да, вчера звонил мне Михалков! —
Молвил он, — и вывод мой таков:
Не смирюсь душой со всем подряд,
Что они в Абхазии творят!
Прежде я сказал фашизму: “Нет!” —
И сейчас известен мой ответ.

Я немолод. Дел невпроворот.
И, однако, знайте наперёд,
Стар я только телом, не душой,
И несправедливости прямой
Не стерплю. И мне ль — пора на слом?!
Я поставлю подпись под письмом!”

Взгляд метнул из-под прикрытых век:
— Эдуард* стал зверь, не человек.
Озверевший — хуже всех зверей,
Потому что нападёт скорей!

Я не спел и знаю: рабство — смерть.
Не бросайте ж Родину в беде!
Даже птица, покидая твердь,
В небесах тоскует о гнезде!

Превосходство в силе не всегда
То, чем может быть страна горда.
Тот, кто меньше, не всегда слабей.
Слабый сильным станет от скорбей,
От напастей, горя и обид,
И, глядишь, противник — перебит!

Маленький народ — всесилен ты
Лишь одним сознанием правоты!

Сам я потружусь по мере сил,
Чтобы вас противник не скосил,
Не смирюсь я с наступленьем тьмы —
Буду будоражить здесь умы!
Я скорбей не отгоняю прочь,
Оттого моя бессонна ночь.

Я тревожусь сутки напролёт —
Нет, тревоги старость не уймёт!
Тяготит меня насилья вид —
Я делами Грузии убит!..
Я подавлен...” После, помолчав
(Чувствую, он искренен и прав):
“Ты пока что молод, милый друг,
Вот и про себя воскликнешь вдруг:
— Для чего мне дряхлая тоска —
Исповедь седого старика?
Не о том пришёл я говорить! —
Погоди, дружок, меня корить:
Жизнь берёт нас крепко в оборот,
И взаимосвязан мыслей ход!
Старый, дряхлый — думает весь день,
Молодой — летит, куда не лень.
В мельтешенье — не видать ни зги.

* Речь идёт об Э. Шеварднадзе.

Где тут вспомнить про свои долги!
Нет долгов? Ох, не гневи судьбу!
Нет долгов у тех, кто спит в гробу!
Постарайся взять скорее в толк,
Что меня томит давнишний долг!

Было мне лет двадцать — двадцать пять!
Многие мне помогли встать
На ноги... Ведь — не один издатель,
Не один художник и писатель!..

Ну, а я? Что сделал я в ответ?
Я в свой срок помог им? Вовсе нет!
Я был занят, всё мне недосуг!
А они нуждались, милый друг!
Где уж им помочь! И вспомнить страх:
Не был я на их похоронах!

Слёзы льются у меня из глаз
(Он отёр слезу, ведя рассказ).
Только поздно! Поздно слёзы лью.
Не вернуть гуляющих в раю.
Надо было — тут вопрос ребром! —
Вовремя добру воздать добром.

Слушал я, почти что не дыша,
Точно замерла моя душа.

Он продолжил: “Вот к чему веду:
Я люблю Абхазию! В беду
Угодила бедная страна.
Что же? Не чужая мне она!
В неоплатном перед ней долгу,
Позабыть о долге не могу!

С той поры, как там идёт война,
Я почти совсем лишился сна.
Прежде я в Абхазии бывал,
Я Лакобу славного знавал.

Не жалел он ни трудов, ни дум
Для родной земли. И цвёл Сухум!

Вся Абхазия — цветущий сад.
Слов не хватит описать наряд
Этого божественного края,
Красоту природы вспоминая!

На абхазском этот край — Апсны:
“Край души”! В названии страны
Есть душа! Душа — какое слово!
И нигде на свете нет такого!

Кто сказал Лакобе, я не знаю,
Что люблю растения, собираю
Редкие. Особенно люблю
Кактусы. Коллекцию мою
Оценил, порадовавшись краскам.
Я не скрою: об одном абхазском
Кактусе я грезил. Только два

Было их во всей стране. Едва
Про мечту мою узнал Лакоба,
Как однажды, поглядев на оба,
Мне один по-царски преподнёс.
Вот так дар! Я счастлив, словно Крёз!

Вот он — кактус тот!..” — и Леонид
Показал на кактус, что стоит
На окне, назвавши по-латыни
Красоту, что дожила доньше,
Радуя собой хозяйский взор.
(А ведь столько лет прошло с тех пор!)

И прибавил, чуть понизив голос:
“Всё живое на Земле боролось
За возможность жить! Не так ли? Так-то-с!
Вот и вы щетиньтесь, словно кактус!
И цветите, как и он, — красиво!
Посмотрите — ведь какое диво!”

Рассказал он о судьбе Лакобы
И не мог остановиться, чтобы
Не сказать о тяжести эпохи
О годах, что изначально плохи,
Если в них страданье и бесправье.

Сообщил, что молится о здравье
Ардзинбы... “Ему — побольше сил бы!
Ведь какой противник ни грозил бы,
И какая б ни кипела злоба —
С ним не страшно вам!..” Потом Лакоба
Вспомнился ему опять. О новом
Времени, жестоком и суровом,
Говорил он: “Нет пути в природе
Лучшего, чем честный путь к свободе!”

“А ещё, — сказал он, — помню ярко
Пышные красоты дендропарка,
Там, в Сухуме! И ничто на свете
Не затмило впечатленья эти!..

Красота Абхазии дала
Мне два вдохновения крыла.
В неоплатном перед ней долгу,
Я забыть об этом не могу.
Своему народу расскажи —
Нет в моих словах ни капли лжи!

Мне недолго остаётся жить,
От тебя не скрою, так и быть:
С тяжкой ношей — это не секрет! —
Я хожу — тому уж сорок лет.

Эта ноша — “Пирамида”. Да,
Таково название труда.
Как тяжёл и многотруден он —
Я под ним, как в склепе, погребён.
Он мне стоил стольких тяжких мук,
Что никак не выпущу из рук,

Напечатать как-то не решусь —
И чего-то будто бы боюсь.

Но и тут мне помогла Апсны —
Сохранила образы весны:
Ясный свет былого, мир иной
Столько раз вставал передо мной!..”

Тихо к сейфу подошёл старик
И оттуда вытащил на миг
Многолетний труд свой — вот, гляди! —
Прижимая, как дитя, к груди.

“Так порой его я достаю,
И читаю, будто жизнь мою.
Предлагают мне его издать,
Но сомненья мучают опять!..

Сколько раз за эти сорок лет
Извлекал я рукопись на свет —
Сейфу от меня покоя нет!
Вынимал — и вновь обратно клал,
Волновался и переживал...
Кто терзался так же, верно, тот
И мои страдания поймёт...
Не хвалю я, друг, своей судьбы —
Возраст мой не терпит похвальбы.

Хорошо ли это или плохо —
От ветхозаветного Еноха
Я своё веду повествованье,
Ад и рай добавив в назиданье.
К Сталину приводит нить рассказа.
Зло с добром — не выдумка, не фраза! —
Яростный меж ними вечный бой.
О боренье их между собой —
Вот о чём мой труд, моя работа...”, —
Так сказал, ещё прибавил что-то...

А потом: “Абхазия — что рай!
Вся она — обетованный край,
Хоть о том в Писании ни слова.
Видел я и вспоминаю снова
Переходы красок и цветов —
Я всю жизнь любить её готов,
С гулом рек и голосами птиц...

В “Пирамиде” — тыщи две страниц.
Для такой работы нужен век!
Не рабы Хеопса — человек,
Малый я — воздвиг сие творенье!
Видит Бог — тут надобно терпенье!

Чтобы что-то сделать для людей,
Надо не менять своих идей,
Лишь одною правдой дорожить,
Замыслу единому служить!
Капля камень точит, говорят.
Только тот увидит результат,
Кто отринет счастье и беду,
Отдаваясь вечному труду!

“Пирамида” — это мой закон.
Дела нет мне ни до похорон,
Ни до свадеб — вот уж сорок лет...
Только б этот труд увидел свет.

Сорок лет, не опуская рук,
Я писал, сужая жизни круг,
Как отшельник... И сказать хочу:
Силачу мой труд не по плечу,

Даже Геркулесу. Наконец,
Я хочу услышать, что мудрец —
Мой читатель — скажет обо мне,
Если я был понят им вполне...

Всё ли знал я сам? Конечно, нет!
Не на все вопросы дан ответ.
Сделал я всего лишь первый шаг,
Но сказал, что знал. Да будет так!

Мой роман — головоломка, да!
Умереть боялся я всегда
До того, как дело завершу, —
Жизни я для творчества прошу!

Был у нас и с Вангой разговор.
Знаешь, что сказала мне в упор?
“Написал ты очень крупный труд.
Им живёшь. Потом к тебе придут
Те, кто книгу выпустят на свет.
Не умрёшь до этого ты, нет.
После — смерть тебя найдёт сама...
А пока — живи!..” — Что ж, для ума
Пища тут имеется!.. — Шутя
Он воскликнул, к небу обратя
Светлый взор. — Пусть будет — я не прочь!

“Пирамида” — мне как будто дочь.
Так пускай меня переживёт!
Но какая смерть меня найдёт?
Об одном прошу — сейчас и впредь:
Не хочу в мученьях умереть!

Лишь одно вошло мне в кровь и плоть:
Пусть хранит Абхазию Господь!
Чтобы всё, что есть, пошло ей впрок!” —
Так закончил мастер и пророк...

Он умолк. Я тоже молча ждал.
Вдруг он что-то вроде прошептал
Еле слышно — так слова тихи,
Но навек запомнились стихи:

“Лёгкой жизни я просил у Бога:
“Погляди, как тяжело кругом!”
Бог ответил: “Подожди немного,
Скоро ты попросишь о другом”.

Вот уже кончается дорога,
Тяжелее путь и тоньше нить...

Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить!..”

* * *

Шёл домой я... После месяцами
Те слова в душе звучали сами.
Речь его легко, сама собой,
На года слилась с моей судьбой!

Дни прошли, три года пролетели.
Умер он во сне в своей постели.
Бог его услышал в добрый час —
От предсмертных мук его он спас!

Так бывает: Бог молитвам внимлет.
Человек судьбу свою приемлет.
Если ты трудился, сколько мог, —
Будь спокоен, коль настанет срок...

Вот и храм Большого Вознесенья,
Вносят гроб, несётся к небу пенье.
Завершает гений жизнь свою.
В этом храме каждый — как в раю.
Отпевают. Зажигают свечи.
Раздаются траурные речи.
Торжество с печалью пополам —
Мастера хоронит Божий Храм...

Эта церковь — памятное место:
Тут встречала Пушкина невеста.
С Натали обвенчан здесь поэт —
Светлый купол памятью согрет!..

Здесь в последний путь ушёл Леонов...
Кончилась в Абхазии война —
Ведь в защиту божеских законов
Русские писатели сполна
Высказались — слово было в силе.
За Москвой и мы произносили
Слово правды. Вторил наш народ
Слову, что свободу принесёт!

* * *

Знаем мы — наш край не одинок!
Заслужил немало ярких строк!
Многие писатели России
Поддержать Абхазию спешили.

Но, прославлен, всюду знаменит,
Евтушенко — медлит и молчит.
И молчат писатели Пен-клуба.
Что-то им мешает. И сугубо
Тайное посланье — в их молчанье.
В нём — Тбилиси весть и обещанье
Эдуарда сторону принять:
Мы, мол, вместе с Грузией опять!

Мы, мол, с Вашингтоном в этот час,
И Европа пусть одобрит нас!

...Помню я Гульрипш. На берегу —
Позабить вовеки не смогу —
Дачный дом построен, как дворец!
Лаврами увенчанный певец,
Евтушенко, важный юбиляр,
От абхазов принял этот дар!

В ход пошёл технический прогресс —
Братскую как будто строим ГЭС!
Как иначе, ведь приехал друг —
Трудимся, не покладая рук!

А и то: поэту ведь полтинник!
И с друзьями гордый именинник
Празднует сегодня юбилей...
Нет ему Абхазии милей!

В Цебельде, на склоне гордых гор,
Где отыщет любопытный взор
Вдалеке Кодорское ущелье,
У поэта нынче новоселье!

И шатёр предстал в помпезном стиле
(Целую неделю возводили!).
Вид прекрасен, зодчие смелы —
Под ногами плавают орлы!

Думаю, писателя иного,
Мирового корифея слова,
Не найдётся, чтобы даты те
На такой отметил высоте!

Что ни пожелай, дадут легко,
Будь то дичь иль птичье молоко.
Свадьба гор и моря, говорят,
На былинный перевозанный лад!
Реки вин, отличная еда...
Юбиляр в ударе, как всегда.
О его заслугах, встав, как встарь,
Повествует первый секретарь.
За поэта поднимает рог:
"Он не гость, он дома, видит Бог!.."

Все, кто был — в горах, на берегу —
Подтвердят, что я сейчас не лгу.
Юбиляр, выдавший много стран,
Не привык за словом лезть в карман.
И, торжествен, но в общенье прост,
Возглашает он ответный тост,
Молвив: "С достопамятного дня,
Как привёз Ласуриа меня
(Алексей Ласуриа привёз
Евтушенко к нам), горжусь всерьёз
Я моей Абхазией родной,
Как второю Родиной земной!
От неё, клянусь, я без ума.
Мне Сухум — как станция "Зима"!

.....
Знай­те ж, лю­ди, — я не про­мол­чу, —
Но с тех пор, как вся Апсны в беде,
Что-то с ним, сродни параличу, —
Он ни слова не сказал нигде!

Он оглох, похоже, и ослеп...
Дружеских не стало больше скреп.

Никогда уж больше, никогда,
Вновь его не встретит Цебельда!
Не плеснут здесь волны о былом,
Говоря с рас­пла­станным орлом!

Что тут скажешь? Как добро ни сей,
Всё — забыто, брат мой Алексей!
Если ж слишком резок я, браня,
Ты за гробом не брани меня!